

Т. Е. Автухович
**«СТРАШНЫЙ СОН» О БУДУЩЕМ
КАК ВАРИАНТ РАЗВИТИЯ ИСТОРИИ**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-96-104

УДК 82.09:82-312.9

ББК 83.3(2)

Осмысление альтернативных моделей исторического процесса стало признаком современной гуманитарной науки, в том числе художественной литературы. В статье рассматриваются постапокалиптические произведения Д. Глуховского* и В. Мартиновича, в которых на основе экстраполяции негативных тенденций современности в будущее представлены возможные варианты развития истории. Ставится вопрос о том, что обоим писателям объединяет внимание к традиционной для фантастической литературы теме испытания идей, но в проекции на актуальную для XX–XXI вв. проблему языка в его влиянии на биологическую/антропологическую природу человека. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что современная цивилизация переживает конфликт языков, символически описанный в библейском сюжете о строительстве Вавилонской башни, — конфликт разнородных философских, идеологических, религиозных взглядов и ценностных установок, который усугубляется информационным прессингом. Цель статьи — выявить сходство и различие в подходах писателей к осмыслению данной проблемы — определяет гипотезу и методологию исследования: сочетание жанрового анализа, герменевтического и социологического подходов призвано показать влияние национальной литературной и культурной традиции на осмысление проблем современности. На основании анализа жанровой специфики и сюжетной организации романов определяется возможность их двойного прочтения — как произведений массовой литературы и как отражения рефлексии писателей над актуальными философскими концепциями и негативными сценариями развития истории. Показывается, что Д. Глуховский рассматривает проблему языка как неспособность к коммуникации с будущим («Метро 2033»), как утрату субъектности под влиянием информационных потоков («Сумерки») и высвобождение агрессии («Пост»). В. Мартинович трактует язык как код, определяющий национальную идентичность, и как условие существования нации («Мова 墨瓦»), ставит вопрос о том, что эпоха интернета сформировала новую антропологическую разновидность — «человека бездействующего», не способного найти выход из любой ситуации без подсказки поисковиков в интернете («Ночь»).

Ключевые слова: *альтернативная история, постапокалиптический роман, криптоистория, язык, интернет, медиатизация, антропологические изменения*

Для современной науки характерно представление о нелинейном характере исторических процессов, которое пришло на смену концепциям фатальной предопределенности и жесткой детерминированности истории под влиянием внешних факторов. Идея вариативности будущего, лежащая в основе синергетики с ее акцентами на взаимосвязи и взаимодействии всего сущего в живой природе, более того, в космосе, на самоорганизации равновесных систем и в то же время наличии точек бифуркации, предполагающих разные варианты развития событий, актуализируется в попытках построить и осмыслить альтернативные модели реальности как в прошлом, так

и в будущем. Моделирование альтернативной истории стало уделом не только исторической науки, но и художественной литературы, где породило особый жанр фантастики с разветвленной внутрижанровой типологией.

Цель статьи — рассмотреть произведения Дмитрия Глуховского* и Виктора Мартиновича, созданные в таких поджанрах альтернативной истории, как криптоистория и постапокалиптический роман, которые, с одной стороны, представляют негативные сценарии развития истории, с другой стороны, экстраполируют в будущее или прошлое тенденции настоящего и таким образом привлекают к ним внимание и остраивают их. Исследовательская задача состоит в выявлении чреватых историческими катаклизмами проблем сегодняшнего дня, как их видят и понимают авторы,

Автухович Татьяна Евгеньевна — д.филол.н., профессор, профессор кафедры русской филологии, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Беларусь, г. Гродно)
E-mail: avtuchovich@mail.ru

* Внесен Минюстом РФ в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

и определении способов их сюжетной репрезентации; в качестве факультативной задачи выступает сопоставление авторских версий «будущего-в-настоящем», поскольку два писателя представляют разные национальные и культурные традиции, что предполагает вопрос о специфике авторского прогностического видения и мере его связи с современностью.

Выбор авторов обусловлен прежде всего сходством их творческой биографии: почти ровесники (Д. Глуховский* родился в 1979 г., В. Мартинович в 1977 г.), они проявили себя в журналистике, литературном творчестве, много работали за пределами своей страны; произведения обоих становились бестселлерами, переводились на разные языки, экранизировались; авторы являются лауреатами литературных премий, что в немалой степени было результатом поисков экспериментальной формы, стремления к жанровому синтезу, усвоения нового художественного языка, диктуемого принципами медиакультуры; для обоих характерна установка на двойное прочтение их текстов — занимательный динамичный сюжет, как правило, аранжирован интеллектуальной, в том числе интертекстуальной, игрой, рефлексией над актуальной философской и социокультурной проблематикой, соответственно, сюжет произведений может быть прочитан как метафора, как «визуально постулируемое полагание смысла»,¹ скрытого в подтексте.

Типологические параллели имеют место и в осмыслении проблем, к которым обращаются писатели: в многослойном содержании произведений ощутимо их внимание к традиционной для фантастической литературы теме испытания идей, но в проекции на актуальную для XX–XXI вв. проблему языка, которая была артикулирована в рамках лингвистического поворота в философии как ответ на исторические и мировоззренческие катаклизмы века войн и революций и получила осмысление в произведениях А. Платонова, Д. Хармса. Конфликт языков как конфликт сознаний отразился в творчестве современных писателей: В. Шарова, А. Слаповского, Саши Филипенко и др.

Эта проблема, как представляется, в разных аспектах осмысливается в романах Д. Глуховского* «Метро 2033» (2005), «Сумерки» (2007), «Пост» (2019) и В. Мартиновича «Мова

墨瓦» (2014), «Ночь» (2018), при этом каждый писатель от произведения к произведению изменяет фокус и степень метафоричности ее рассмотрения, отзываясь на динамику реальных исторических событий.

Первый роман Д. Глуховского* «Метро 2033», принесший автору популярность и ставший началом «Вселенной “Метро”» — успешной франшизы, в создании которой участвуют как профессиональные специалисты (художники, музыканты, актеры, разработчики игровой платформы), так и читатели, участники фанатского форума, сделан по законам массовой культуры. Во-первых, в романе актуализируется мифологическое представление о дуальной системе миропорядка «космос–хаос», в соответствии с которым пространство делится на «свое» — окультуренное, знакомое и потому безопасное и «чужое» — дикое, незнакомое, опасное.² В романе в качестве «своего» выступает подземный мир, станции московского метро, где прячутся уцелевшие после ядерного взрыва люди, как «чужое» предстают переходы между станциями, где таинственным образом исчезают люди, которых похищают вызывающие страх мистические «черные», и мертвый город, в котором в условиях радиации могут обитать только чудовищные мутанты.

Отметим, что пространственной оппозиции «свое–чужое» в мифе соответствует бинарная модель восприятия окружающих в виде антитезы «свой–чужой/иной». Несмотря на то что в литературе и общественном сознании XIX в. наметилась, а впоследствии получила развитие тенденция к формированию тернарной модели сознания (Ю. М. Лотман), для массовой культуры по-прежнему характерно мышление в рамках бинарной модели, что свидетельствует о ремифологизации сознания современного человека, подверженного влиянию информационных потоков, которые хаотизируют миропредставление и актуализируют бессознательные страхи, фобии, фантазмы. В обществе потребления XXI в. фобии коллективного бессознательного выражаются в страхе перед будущим: «чужие/иные» — это либо инопланетяне, представители незнакомых и потому опасных цивилизаций, либо все непонятное, смертоносное, монструозное. В романе Глуховского* эта иерархия нарушена: в качестве потенциальных, но не сбывшихся «своих» выступают черные (мутанты), в то время

¹ Лавлинский С. П., Павлов А. М. Фантастическое // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 279. См. также: Сартр Ж.-П. Воображаемое: феноменологическая психология воображения. СПб., 1999.

² См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 175.

как бывшие «свои» оказываются чужими, поскольку между обитателями станций, раздираемыми идеологическими противоречиями, нет согласия, они враждуют между собой, разделив метро границами.

Во-вторых, главный герой романа, Артем, выполняющий функцию сталкера, выступает как очевидная реинкарнация мифологического культурного героя, призванного решить важную для человечества задачу. Такой задачей для героя является установление контакта с черными; попутно он должен добыть таинственную книгу, которая хранится в заброшенной библиотеке, охраняемой мутантами-библиотекарями. Выполнение задачи — решение загадки исчезновения людей в переходах метро, открытие тайны мутантов — определяет фабулу: перемещение от станции к станции, встречи с разными людьми (врагами и помощниками) воспроизводят классическую схему авантюрного сюжета, которая, в свою очередь, восходит к волшебной сказке и через нее к мифу. Артему не удастся выполнить задание: книга не найдена, город черных, которые надеялись установить контакт с людьми, уничтожен ракетами.

Сюжет романа обладает символическим подтекстом, который отсылает к проблемам сегодняшнего дня. В социологическом прочтении представленный в романе Глуховского* постапокалиптический мир — результат отсутствия навыков коммуникации, неумения разных партий и движений, шире — народов и стран достигать согласия в процессе диалога; вражда между станциями достаточно прозрачно воспроизводит взаимное непонимание между коммунистами и сторонниками рынка, между левыми и правыми, отсутствие единства и ответственности за будущее. Современная цивилизация переживает конфликт языков, символически описанный в библейском сюжете о строительстве Вавилонской башни, — конфликт разнородных философских, идеологических, религиозных взглядов и ценностных установок — и потому не способна на диалог с будущим.³ Уничтожение мутантов, которые в символическом подтексте выступают как говорящие на другом языке представители будущего, — это отрицание завтрашнего дня.

³ См.: Автухович Т. Е. Человек-текст в мире-тексте и/или в мире текстов // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: в 2 ч. Гродно, 2020. Ч. 2. С. 24–33.

Символическим потенциалом обладает и ситуация с не найденной Артемом в недрах библиотеки книгой: поскольку книга в мировой культуре обладает онтологическим статусом, о чем свидетельствует взаимообратимость/зеркальность дефиниций «мир–книга», «книга–мир»,⁴ ее отсутствие сигнализирует об утрате целостной концепции мироздания, о невозможности его понимания и, соответственно, о появлении признаков разрушительных психических процессов в сознании массового человека: «...аларм и хоррор — состояние современной цивилизации, которая боится сама себя, своего будущего».⁵

В романе «Сумерки» Глуховский* рассматривает проблему языка в другом аспекте, показывая, как информация, усвоенная из разных источников, мифологизирует сознание, искажает восприятие реальности; происходящая медиатизация субъекта⁶ означает не только мировоззренческий, но и антропологический сдвиг: человек предстает зависимым от прочитанного и не способным понять изменяющийся мир, предугадать возможные последствия происходящего; оказываясь в плену ложных исторических аналогий и прямолинейных причинно-следственных умозаключений, он утрачивает субъектность.

Сюжет романа строится по модели криптоистории: описание событий, происходящих в современности и в далеком прошлом, предполагает влияние на их исход неких таинственных, магических сил. Мистический характер повествования, в котором размываются пространственно-временные границы (персонажи из переводимой героем рукописи об истории цивилизации майя внедряются в его повседневность), мотивирован измененным сознанием героя. Воздействие на читателя достигается использованием приема трансгрессии — нарушения границы между реальным миром и миром, возникающим в воображении героя в результате «дистраивания» реальности на основе прочитанных в СМИ новостей и событий, описанных в переводимой им рукописи. Сюжет и его оформление в нарративе (чере-

⁴ См.: Богдевич Е. Ч. Топос «книга» в литературном процессе XX–XXI вв.: генезис, структура, семантика, динамика развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2020.

⁵ Тульчинский Г. Л. Сеттинг, сериальность и запрос на стабильную смысловую картину мира // Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий. Гродно, 2020. С. 10.

⁶ См.: Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1. С. 117–128; № 2. С. 119–128.

да загадочных смертей, явление «гостей» из прошлого, землетрясение в Москве, масштабные разрушения в городе, многочисленные жертвы) выступают как визуализация и перенесение вовне панических атак, эсхатологических предчувствий героя и на этой основе его потенциальной склонности к агрессии; сюжет — отражение крайнего солипсизма, характерного для сознания современного человека, не способного преобразовать семиотический хаос в смысловой космос и потому переводящего мир в формат «кажмости». В свою очередь, утрата субъектности сюжетно реализуется в развязке: все события, в которые оказался вовлечен герой, происходили в сознании «Бога», умирающего ученого (его фамилия совпадает с фамилией специалиста по истории цивилизации майя Ю. В. Кнорозова) — так обыгрывается переход современной цивилизации от провиденциалистской идеи созданного Богом мира-текста к миру текстов, продуцируемых учеными, философами, писателями, журналистами.

Утративший субъектность современный человек живет в квазиреальности, которая «достраивается» его фобиями, неуверенностью в достоверности полученной из разных источников хаотической информации. Квазиреальность сюжетно мотивируется измененным сознанием героя, однако в подтексте она выступает как порождение посткультуры — на это указывает многозначное название романа, отсылающее к интеллектуальному концепту «сумерки богов» и в то же время переосмысливающее его: на смену мифологическим богам в современной цивилизации приходят реальные люди, манипулирующие массовым сознанием.

Роман, таким образом, предстает метафорой переходной эпохи, для которой характерно разнообразие исторических нарративов, интерпретирующих прошлое, настоящее и потенциальное будущее. Состояние растерянности массового человека в ситуации отсутствия общезначимых, рационально выверенных и внятных схем понимания действительности осмысливается, с одной стороны, на сюжетном уровне как стремление героя романа найти объясняющие исторические аналогии в прошлом, которые, однако, только мистифицируют реальность в его сознании, с другой стороны, как антропологическая угроза — необратимых, вплоть до утраты идентичности, психобиологических изменений в структуре

личности.⁷ Этот комплекс идей реализуется в романном нарративе через синтез известной по литературе романтизма ситуации «сон во сне» (состояние героя можно охарактеризовать как сон разума, который порождает чудовищ, однако его «сны»/видения, в свою очередь, оказываются порождением сознания погруженного в медицинский сон умирающего ученого) и модернистской традиции (прием повествовательного эллипсиса — незаметного переключения от реального к воображаемому, происходящему в сознании героя событию).

В аспекте главной проблемы статьи символический смысл приобретают сюжетная ситуация, связанная с переводом загадочной рукописи о цивилизации майя, с которой начались злключения героя, и фигура героя-переводчика, которая, согласно И. С. Юхновой, характерна для современной литературы:⁸ перевод как форма и способ межкультурного взаимодействия метафорически переосмыслен автором романа в связи с проблемой языкового/ценностного конфликта в современной культуре, усугубляющего ситуацию непонимания происходящего. Значимыми в этом контексте оказываются и акцентированное автором сходство/несходство судьбы цивилизации майя и современной цивилизации, что подводит к выводу о непродуктивности исторических аналогий, и таинственное исчезновение заказчиков перевода, что указывает на невосребованность прошлого в настоящем, за которым стоит характерный для посткультуры разрыв с прошлым.

Исследование разрушающего воздействия языка на человеческое сознание писатель продолжил в романе с семантически емким названием «Пост». Развивая намеченную в «Сумерках» мысль об антропологических изменениях, которыми чревато наступление информационной/цифровой цивилизации, писатель создает очередной «страшный сон», метафорический подтекст которого угадывается лишь при актуализации всех значений названия романа,

⁷ Характерная для современности проблематизация представления об идентичности как целостности телесного и духовного будет определять роман «Текст» (2017), в котором показано, что физическое небытие умершего человека не исключает возможности его виртуального бытия в текстах, создаваемых от его имени в мобильном телефоне и не только.

⁸ См.: Юхнова И. С. Образ переводчика и проблема межкультурной коммуникации в современной отечественной литературе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 309–313; Она же. Толмач и переводчик в современной литературе // Вестник Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Сер.: социальные и гуманитарные науки. 2015. № 3 (7). С. 57–64.

при этом необходимо учитывать авторскую установку на их ироническое переосмысление. Согласно словарям, слово «пост» имеет следующие значения: 1. Часовой или группа военнослужащих, осуществляющих охрану объекта; место или здание, в котором осуществляется наблюдение или охрана; ответственная должность — данная семантика реализуется в пространственно-временной организации романа, в котором последовательность событий представляет постепенное центростремительное движение героев от одного слоя защиты столицы к другому, завершающееся катастрофой в центре. 2. Ограничения в употреблении пищи и других благ в соответствии с церковными требованиями, период соблюдения таких ограничений — данная семантика нацеливает читателя на анализ различных дискурсов, приемов риторического манипулирования чужим сознанием, способов самоубеждения, используемых разными героями, и предполагает метафорическое прочтение сюжета. 3. Сообщение на интернет-форуме или любой другой статической интернет-странице — данное значение может быть отнесено и к сообщениям, в которых персонажи безуспешно пытаются сообщить людям о грозящей им опасности, и к авторскому высказыванию о возможном катастрофическом развитии тенденции девальвации слова и смысла, наметившейся в современности, и — при символическом прочтении сюжета — как предсказание грядущего апокалипсиса не только для страны, но и для человечества в целом. Наконец, к перечисленным значениям можно добавить значение пост в позиции приставки в слове — в таком случае в названии романа содержится намек на проблематичность будущего, которое наступит или не наступит после и в результате разрушительного воздействия разнородной информации на сознание человека.

Впечатляющая наивного читателя натуралистическая, явленная в своей визуальной конкретности и убедительности, картина расчеловечивания людей прочитывается как буквализация метафоры, цель которой — показать возможное влияние пропаганды как средства нейролингвистического программирования, воздействия слова на сознание. Гротескная условность натуралистических описаний безумия и агрессии переводится в символический план сюжетной подсказкой: единственное спасение от антропологической катастрофы / превращения в животное — оглохнуть, «за-

мкнуть слух» (для этого проткнуть барабанную перепонку). Автор романа, сталкиваясь с различными дискурсами и языками (языки власти, религии, мистических предсказаний, подсознания, языки живых и мертвых, нормированный литературный язык и обценную лексику, язык вражды и язык любви), демонстрирует слабость и незащищенность человеческого сознания перед воздействием риторических средств убеждения, хрупкость и условность грани, которая отделяет человека разумного от животного, непрочность границы между цивилизационными нормами и природно-биологическими основами человечества как вида. Разрушение под воздействием «бацилл речи» тонкого слоя культуры и воспитания, фундаментальных основ миропонимания, а вслед за этим человеческих отношений и в конечном итоге личности представлено в огромном диапазоне, где полюсами оказываются формально правильное, но внутренне лживое, обусловленное прагматичными соображениями поведение представителей властных структур и полная утрата человеческих признаков представителями коллективного/массового большинства, не способными противостоять пропагандистскому манипулированию. Воздействие «бацилл речи» осмысливается в романе, с одной стороны, как утрата словами своего подлинного значения и как результат — недоверие героев к слову и одновременно подверженность силе словесного внушения; с другой стороны — как разрушение самого слова, которое начинается с вытеснения нормативной лексики лексикой обценной и завершается бессмысленным набором звуков, издаваемым впадшими в безумие людьми. Формула «бациллы речи» реализуется на сюжетном уровне в виде стремительно распространяющейся пандемии насилия и безумия, при этом автор указывает на ее источник — пропагандистский дискурс, перед которым оказываются бессильны и язык любви, и логика здравого смысла, и увещания проповедника. Как ироническая рефлексия над неспособностью массового человека, в целом — человеческого сознания, противостоять смысловому опустошению слова и сохранить свою идентичность прочитывается финальная сцена романа, где взамен свергнутых кумиров — деятелей Реставрации имперского прошлого — толпа выбирает и объявляет святой нового кумира — Мишель. В свою очередь, эта сцена предстает и как проявление писательской авторефлексии, поскольку в ней

очевидна ироническая переоценка Д. Глуховским* собственных иллюзий и упований на возрождение христианских ценностей, в том числе доверия к авторитетному Слову, явленным в его романах «Будущее» и «Текст».

Таким образом, от романа к роману Д. Глуховский* усиливает актуальный социальный и философский подтекст своих «страшных снов». От проекций в будущее проблем сегодняшнего дня он переходит к проблемам глобального характера; будучи локализованными в российском/московском пространстве, его романы обращены к пространству всей земной цивилизации, поскольку экспериментальные сюжеты направлены на осмысление наиболее существенной в ситуации посткультуры проблемы — проблемы языка, слова как носителя смысла. Если посткультура — это переходный период к новой культуре, новому языку и новым ценностным основаниям бытия, то цель писателя — визуализировать в (не)вероятном сюжете неочевидные тенденции развития и предупредить об их возможных последствиях. Сталкивая разные идеологические («Метро 2033»), научные («Сумерки»), религиозные и философские дискурсы («Пост»), отсылая читателя к мифологическим, литературным, научным источникам и вовлекая его в диалог идей и концепций, переосмысливая диалогическое пространство культуры, Глуховский апеллирует к сознанию массового читателя, противопоставляя тенденции саморазрушения инстинкт самосохранения культуры и жизни в целом.

Белорусский писатель В. Мартинович рассматривает язык как код, определяющий национальную идентичность, и как условие существования нации. В романе «Мова 墨瓦», жанр которого автор определяет как лингвистический боевик, действие происходит в неопределенном времени, но в узнаваемом пространстве Минска, ставшего частью Союзного государства Китая и России. Указание на переход к китайскому календарю, согласно которому 4741 г. соответствует европейскому 2013 г., и последующие рассуждения героев об относительности исчисления времени приносят игровой характер в описание событий, происходящих во вневременном будущем, но в известных локациях бывшей столицы страны, побуждая читателя разгадывать авторские намеки и иносказания, в которых реалии современной истории, экстраполированные в будущее в качестве альтернативной истории,

приобретают злободневный характер. Так, в реальности Союзного государства Китая и России белорусский язык («мова») находится под запретом: за его использование в публичном пространстве грозит десять лет тюрьмы; тексты произведений белорусских писателей и поэтов скрыты в недоступных для человека хранилищах, поэтому ввозятся фрагментами из Польши как контрабандный товар и продаются за большие деньги, хотя за их контрабанду грозит смертная казнь; в свою очередь, герои воспринимают звучание этих текстов на неизвестном им (белорусском) языке как наркотик, более сильный, чем ЛСД (чтение и восприятие стихов описывается автором в терминах наркотической зависимости), соответственно, распространение и использование «мовы»-наркотика преследуется наркоконтролем.

Роман написан по правилам массовой литературы, о чем свидетельствует, во-первых, использование детективного сюжета, в котором фигурируют конспиративные квартиры, где происходят встречи с подпольными хранителями белорусской культурной традиции; во-вторых, наличие обширного цитатного и реминисцентного слоя из произведений белорусских писателей, а также исторических справок и философских рассуждений о судьбе белорусского языка и культуры: включая эти сведения в текст, автор преследует культуртрегерскую цель, что характерно для массовой культуры. В то же время история героя, который проходит своего рода инициацию, приобщаясь к истории своей страны и ее утраченному наследию; героический пафос финального высказывания о долге каждого белоруса сохранить свой язык как условие идентичности и проявление уникальности нации; трагическая модалность эпилога — дневниковых записей героини, в которых «мова» постепенно вытесняется абракадаброй математических символов, непонятых знаков, — все это придает публицистический смысл игровому, на первый взгляд, сюжету, привлекая внимание массового, прежде всего молодого читателя к проблеме национальной самоидентификации, к судьбе национальной культуры. Несмотря на то что последняя дневниковая запись проникнута верой в то, что «мова» не умрет, пока жив хотя бы один носитель белорусского языка, сделана она на английском языке, что ставит под сомнение уверенность героини в будущем белорусов как нации. Закономерно в романе разрабатывается мотив утраченной книги,

хранящей забытое слово: отсылая к архетипическому представлению о мире как книге и его семиотическому эквиваленту «книга–мир», этот мотив подводит к выводу о невосполнимости исчезновения белорусской культуры. Таким образом, «мова» для Мартиновича — повод высказаться и о языковой ситуации в современной Беларуси, и об истории страны, и о недопустимости унификации языков, чреватой утратой национальной идентичности и культурного разнообразия.

Мотив книги и книжной культуры становится основным в романе В. Мартиновича «Ночь». По форме постапокалиптический (сюжетообразующим фактором выступает беспроектная темнота холодной ночи, наступившей на Земле после того, как погасло Солнце), роман прочитывается как притча о поиске пути в ситуации гибели культуры — на такое понимание нацеливают и метафорический подтекст названия, и композиционная схема путешествия, которая традиционно связывается с мировоззренческими поисками героя, и многочисленные отсылки к литературным, философским, историческим текстам. Концептуальная идея В. Мартиновича, которая обеспечивает целостность произведения, объединяя авантюрно-приключенческую фабулу и философско-культурологический сюжет, сводится к утверждению, что переживаемая сегодня человечеством ситуация конца эпохи, гибели культуры неоднократно повторялась в истории, поэтому ответы на все вопросы нужно искать в книгах. При этом основную проблему автор видит в том, что эпоха интернета, Инстаграма сформировала новую антропологическую разновидность — «человека бездействующего», не способного найти выход из любой ситуации без подсказки поисковиков в интернете, человека не читающего, не обладающего запасом знаний и потому беспомощного перед слухами, ложной информацией, перед собственными страхами и фобиями. Человека потребляющего и бездуховного, самодовольного и самодостаточного в своем невежестве, утратившего представление о смысло- и целеполагании как условия жизни. Примитивизацией внутреннего мира В. Мартинович объясняет социальные проблемы: агрессивность людей, противостояние центра и периферии, массовый эгоизм, определяющий склонность к безудержному индивидуальному потреблению.

Эта идея определяет осциллирующую образность романа, в котором предметное, пу-

гающее в своей конкретности описание ночной тьмы, встреч с опасными существами: неврами, козлогими, андрофагами, скифами — переосмысливается в метафорическом плане как порождение фантазии одинокого путника. Соответственно, перемещение героя — Книжника, владельца единственной личной библиотеки, из охваченного тьмой Ночи Минска на восток в поисках возлюбленной — это путешествие по истории, по культурному наследию человечества, научным и псевдонаучным концепциям, мифам и литературным текстам в поисках смысла жизни в изменившейся системе ценностных координат. В символическом подтексте Ночь выступает как время сомнений и поиска ответов на вопросы о правильности пути и перспективах развития цивилизации, как остановка во времени, необходимая в том числе и для личного самоопределения; в свою очередь, книга предстает как воплощенное Слово, как вечный спутник, помогающий претворить хаос сознания в смысловой космос.

Таким образом, нельзя не заметить сходство мотивов (сокрытие или исчезновение книг, программирующее воздействие слова на человеческое сознание), сюжетных ситуаций и используемых приемов их актуализации в произведениях Д. Глуховского* и В. Мартиновича. Очевидно, что это сходство предопределено общим социальным и культурным контекстом, диктующим общие проблемы и способы их осмысления в произведении. Такой проблемой для обоих писателей является функция языка в ситуации слома эпох, обозначенной социальным, идеологическим, ценностным кризисами. Используя конкретные локусы (Москва/Россия, Минск/Беларусь), показывая влияние разнообразных дискурсов на восприятие мира и поведение героев, романисты подчеркивают общезначимый для современной цивилизации характер проблемы языка: утрата субъектности как результат интеллектуальной беспомощности и неспособности к диалогу с будущим, хаотизация сознания и высвобождение животных инстинктов под воздействием информационного, в том числе пропагандистского, прессинга, культурная унификация вследствие исчезновения или запрета языка приближают антропологическую катастрофу — изменение человека как вида. Различие между альтернативными мирами — «страшными снами» Глуховского и Мартиновича — во многом объясняется их принадлежностью к разным культурным традициям, определяющим характер авторского

мироотношения: традиционализм белорусской культуры, толерантность белорусов проявляются в присущей В. Мартиновичу склонности к исследованию проблемы в обширном историческом («Мова 墨瓦»), культурологическом («Ночь») контексте и оптимистичном прогнозе в финале; напротив, сложная и противоречивая

русская культура, вобравшая в себя разнородные — восточные и западные влияния, во многом сказывается в тяготении Д. Глуховского* к эсхатологическим предчувствиям и прогнозам, которые парадоксальным образом сочетаются с относительно благополучным сюжетным завершением его романов.

Tatiana Ye. Avtukhovich

Doctor of Philological Sciences, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno)

E-mail: avtuchovich@mail.ru

“A TERRIBLE DREAM” ABOUT THE FUTURE AS
A VARIANT OF THE DEVELOPMENT OF HISTORY

Understanding of alternative models of the historical process and different variants of the development of events has become a sign of modern humanities including fiction. The article examines the post-apocalyptic works by D. Glukhovsky* and V. Martinovich, in which undesirable variants of the development of history are presented on the basis of extrapolation of negative trends of modernity into the future. The question is raised that both writers are united by their attention to the traditional topic for fantastic literature — namely of testing ideas, but in projection on the relevant for the 20th–21st centuries problem of language in its influence on the biological/anthropological nature of man. The relevance of this problem is due to the fact that modern civilization is experiencing a conflict of languages symbolically described in the biblical story about the construction of the Tower of Babylon — a conflict of heterogeneous philosophical, ideological, religious views and values, which is aggravated by information pressure. The purpose of the article — to identify similarities and differences in the approaches of writers to understanding this problem — determines the hypothesis and methodology of the study: the combination of genre analysis, hermeneutical and sociological approaches is designed to show the influence of national literary and cultural traditions on the understanding of modern problems. Based on the analysis of genre specifics and plot organization of novels, the possibility of their double reading is determined — as works of mass literature and as a reflection of the writers’ speculation on current philosophical concepts and negative scenarios of the development of history. It is shown that D. Glukhovsky* considers the problem of language as an inability to communicate with the future (“Metro 2033”), as a loss of subjectivity under the influence of information flows (“Twilight”) and the release of aggression (“Post”). V. Martinovich considers language as a code defining national identity and a condition for the existence of a nation (“Mova 墨瓦”), raises the question that the Internet era has formed a new anthropological variety — “an inactive person” who is unable to find a way out of any situation without prompting search engines on the Internet (“Night”).

Keywords: *alternative history, post-apocalyptic novel, cryptohistory, language, Internet, media-tization, anthropological changes*

REFERENCES

- Avtukhovich T. E. [Man-text in the world-text and/or in the world of texts]. *Slavyanskiy mir i natsional'naya rechevaya kul'tura v sovremennoy kommunikatsii: v 2 ch.* [Slavic world and national speech culture in modern communication: in 2 parts]. Grodno: GrGU Publ., 2020, part 2, pp. 24–33. (in Russ.).
- Bogdevich E.Ch. *Topos “kniga” v literaturnom protsesse XX–XXI vv.: genesis, struktura, semantika, dinamika razvitiya: avtoref. kand. diss.* [The topos “book” in the literary process of the 20th–21st centuries: genesis, structure, semantics, dynamics of development: Abst. Diss. Cand.]. Minsk, 2020. (in Russ.).
- Lavlinsky S. P., Pavlov A. M. [The Fantastic]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij* [Poetics: a dictionary of current terms and concepts]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoy; Intrada Publ., 2008, pp. 278–281. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. (in Russ.).
- Sartre J.-P. *Voobrazhaemoe: fenomenologicheskaya psikhologiya voobrazheniya* [The Imaginary: A Phenomenological Psychology of the Imagination]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1999. (in Russ.).

Tulchinsky G. L. [Setting, seriality and request for a stable semantic picture of the world]. *KUL'T-TOVARY. Massovaya kul'tura v sovremennoy Rossii: konstruirovaniye mirov, umnozheniye seriy* [CULT-PRODUCTS. Mass culture in modern Russia: the construction of worlds, the multiplication of series]. Grodno: GrGU Publ., 2020, pp. 7–17. (in Russ.).

Yuhnova I. S. [The image of the translator and the problem of intercultural communication in modern Russian literature]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2015, no. 2 (2), pp. 309–313. (in Russ.).

Yukhnova I. S. [Tolmach and translator in the modern literature]. *Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'yevicha i Nikolaya Grigor'yevicha Stoletovykh. Seriya: Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs. Series: Social and Humanitarian Sciences], 2015, no. 3 (7), pp. 57–64. (in Russ.).

Zizek S. [Cyberspace, or the Unbearable Closure of Being]. *Iskusstvo kino* [Cinema art], 1998, no. 1, pp. 117–128. (in Russ.).

Zizek S. [Cyberspace, or the Unbearable Closure of Being]. *Iskusstvo kino* [Cinema art], 1998, no. 2, pp. 119–128. (in Russ.).

Для цитирования: Автухович Т. Е. «Страшный сон» о будущем как вариант развития истории // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 96–104. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-96-104.

For citation: Avtukhovich T. Ye. “A terrible dream” about the future as a variant of the development of history // Ural Historical Journal, 2022, no. 4 (77), pp. 96–104. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-96-104.